

СОДЕРЖАНИЕ

ГРАФ РЫСЕВ

Книга 1

5

ГРАФ РЫСЕВ

Книга 2

251

ГРАФ РЫСЕВ

Книга 3

499

1

ГРАФ РЫСЕВ

Глава 1

— Женька! Женька, черт тебя подери, открывай!

Я открыл глаза и посмотрел на часы. Мать твою за ногу, пять утра. И кто там ломится ко мне практически ночью?

Набросив на плечи форменную куртку и сунув ноги в тапочки, пошёл открывать. Стучали-то в окно, в дверь бы долбили, вряд ли бы я услышал. Веранда большая, двери хорошие, утепленные, недавно новые поставил. Вот кто-то и обошёл дом, да в окошко спальни начал стучаться. Кобеля надо завести цепного. Тогда прекратят шляться где попало, чтобы задницу да яйца сберечь.

На крыльце стоял дед Егор. Точнее, Егор Степаныч, егерь бывший. На ресницах и бровях иней, с капюшона, на голову наброшенного, морозная бахрома свисает. Понятно, опять на рыбалку затемно ходил. И не сидится же дома кому-то. Да ещё и в мороз такой. Я поежился, у меня же на ногах тапочки только надеты, а старый хрыч ни туда, ни сюда.

— Ты что, спишь, что ли? — он так удивился, увидев мою заспанную рожу, что я только сплюнул. Нет, бляхмуха, не сплю, жду, когда ты притащишься и долбиться в окно начнешь.

— Тебе чего, старый? Совсем из ума выжил? Ты на часы смотрел? — недовольно протянул я, кутаясь в курт-

ку. Надо же, вроде март на улице, а холод дикий, весной и не пахнет. В феврале таких морозов не было, какие на этой неделе завернули.

— Собирайся, Женья. В затоне не местные, с оружием балуются. А ты у нас гвардеец, как-никак. Тебе положено за оружием блюсти, — с ходу в лоб зарядил мне дед Егор.

Я же спросонья, видимо, плохо соображал, потому что решил уточнить.

— Какое оружие? Охота неделю как закончилась.

— Вот то-то и оно, Женья, то-то и оно. Давай-давай, портки натягивай, Генку буди, да разбирайтесь поезжайте. — Дед покачал головой и повернулся, чтобы уходить. С крыльца сошёл и пробурчал: — Напридумывали гвардий всяких. Иди делом займись. Это тебе не у дедов старых берданки отбирать, тут и поработать придётся.

— Ага, это я придумал, у дедов просроченные стволы изымать. Следить надо за документами, — пробурчал я, закрывая дверь.

Первое, что сделал, это позвонил дежурному.

— Лейтенант Рысев, Росгвардия. Сигнал поступил, что на территории охотугодий вооружённые люди. Возможно, браконьеры, — отпрапоровал заспанному сержанту, который пару минут врубался, что к чему.

— Ну так съезди, проверь, — недовольно пробурчал он.

— Без участкового?

— Может, тебе ещё прокурора разбудить? — ехидно предложил сержант. — Ну, а что, она баба молодая, местами даже красивая. Одинокая опять же. Совместишь охоту на браконьеров с романтическим свиданием.

— Соколов, я тебя ей сдам, ей-богу, не доводи до греха. — Я только зубами не скрипнул. Никак не могу понять эту неприязнь полиции к Росгвардии, наверное, плохо стараюсь.

— Не надо меня пугать, — чопорно произнёс скучающий дежурный. — Нет у меня участковых. Михайлов

один на три куста, ногу сломать умудрился. Вот ты сам чего в гвардейцы подался? Надо было участковым идти.

— Куда позвали, туда и пошёл. Ты чего добиваешься, Соколов? — задал я вполне, на мой взгляд, логичный вопрос. — Я ведь рапорт накатаю, ты меня знаешь.

— Да по хрен, Жень. Мне до пенсии три недели осталось. Если ты думаешь, что я здесь хоть на день больше проработаю, то ты сильно ошибаешься. — Он замолчал, потом более благожелательно произнёс: — Сейчас бригада вернется, я оперов на помощь пришлю. Куда ехать?

— В затон, — неохотно проговорил я.

— Нехорошее место, — задумчиво произнёс Соколов. — Давай уж ребят дожدهшься, вместе съездите?

— А если эти стрелять начнут? В затоне налим идёт, рыбаки там все. Сам знаешь, слово за слово... А наши молчать точно не будут. Сейчас Генку Вдовина подниму, скатаемся, глянем, что там да как. Может, Степаныч преувеличивает проблему.

— Ну давай. Только сам сильно не нарывайся, — посоветовал Соколов.

— Постараюсь, бригаду, если что, на одиннадцатом километре подожду. — Дождавшись утвердительного ответа, отключил телефон и задумчиво посмотрел на него.

По-хорошему, надо собираться, но неохота. Надел утепленный камуфляж, сунулся в сейф и в очередной раз за это проклятое утро выматерился: пистолет остался на работе в сейфе. И что делать? Карабин бы взять, но там могут начать визжать «олени», детки блатных родителей, которые всего-то поиграться приехали. Они же дети, ёпт, которые полицейский произвол кинутся снимать на все доступные айфоны. Не отпишусь потом. Ладно, у оперативников в этом плане больше полномочий.

«Уазик» в теплом гараже решил сегодня не выделяться, и даже почти сразу завёлся. Пока выезжал из усадьбы, позвонил Генке — однокласснику бывшему,

старшим егерем умудрившимся пристроиться. Ответила заспанная жена.

— Так в тайге они, Жень. Медведя какая-то сука подняла. Он уже одного лесоруба заломал, того в город на вертолётё увезли. Ещё даже по сводкам не прошёл. Только вот не простой работяга оказался, тут всех в ружьё и подняли, и разрешения как по волшебству оформились, словно сами собой.

— Да везде так, Оль, не только у нас. И про «нас» я подразумеваю всю нашу необъятную. Ладно, спи ложись.

— Ага, уснешь тут, — и она отключилась.

Я выехал на прямую до свёртка на затон и рванул на скорости, которую мой конь выдержит и не рассыплется прямо подо мной. Генке хорошо, ему снегоход выделили. А мне что предлагаете делать? Впереди расстилалась белая снежная дорога, и мысли скакали, что те блохи. Как бы сверток не пропустить.

Я здесь родился и вырос. Родители погибли в автокатастрофе, когда мне восемнадцать исполнилось. Делать было нечего, учёбу я бы сам не потянул. Уже совершеннолетний, крутись, пацан, как хочешь. Путь был один — армия. Попал в военную разведку. Наставник очень неплохой достался, многому меня научил, а ведь кое-что и вбивать в башку пришлось, не без этого. Предлагали на контракт остаться, да в школу офицерскую поступить, не захотел, теперь жалею. Ну ничего, пенсия в полиции быстро наступает, оглянуться не успею, как думать надо будет, чем дальше заняться.

Тут мне и предложили пойти в Росгвардию. Старый наш гвардеец позвал на своё место, когда я ружьё пришёл батино забирать, да на себя оформлять.

Я тогда только вернулся с армейки. Вернулся в родительский дом, который без хозяев уже начал ветшать.

Заниматься чем-то надо было, да и на ремонт деньги на дороге не валяются, поэтому согласился. Это всяким

попаданцам хорошо, да дядям Фёдорам, взял тачку с лопатой и пошёл клад искать. И что самое охренительное — всегда находят. В жизни, к сожалению, не так.

А вот и свёрток. Проехав с километр, остановился. «Уазик» глушить не стал, хрен потом заведу на морозе. Вытащил фонарь и медленно пошёл по накатанной дороге к затону. Я уже был близко, когда раздался выстрел, потом ещё один. Замерев на месте, прислушался. Не пойду дальше, тут и так всё понятно.

И тут раздался крик, словно ребёнок заплакал. Темнота, выстрелы, в голове всё перепуталось, хотя точно знаю, что многие звери такие звуки издают. И ведь никакого оружия с собой нет, но всё равно ломанул, как тот лось, ориентируясь на звук.

Не знаю, кто это был, я их не разглядел, потому что, стоило только мне появиться, как раздался выстрел. Было даже не больно. Просто ноги почему-то перестали держать. Я упал и столкнулся взглядом с затухающим взглядом убитой этими уродами рыси. Жёлтые пронзительные глаза уже начали терять свою прозрачность, а затухающее сознание с удивлением отметило, как две дорожки крови: моя и убитого хищника, начали сливаться в одну, перемешиваясь.

Последнее, что я услышал, перед тем как меня накрыла темнота, был крик, переходящий в визг.

— Ты что наделал, идиота кусок? Ты мента завалил! Валим отсюда!

— Ваше сиятельство! Ваше сиятель-ль-ство-о-о! — крик, раздавшийся неподалёку, вонзился в мозг раскалённой иглой, почему-то вызывая отторжение. Какие ещё сиятельства, не должно никаких сиятельств быть. Но крик повторился, наверное, зовущий уверен, что правильно кричит.

Снег охлаждал щеку, чудовищно болела голова. Боль была пульсирующая, словно стробоскоп засел в черепе, посылая вспышки, от которых болели глаза и хотелось блевать. Протянув руку, дотронулся до затылка. По ощущениям эпицентр боли находился где-то здесь. Под пальцами нащупывалась плотная корка, склеивающая волосы в сплошной заскорузлый комок. Похоже, меня по голове чем-то шибанули. Ни черта не помню. Где я вообще нахожусь?

Немеющими, замёрзшими руками схватил снег и сунул в рот. Сначала вроде бы полегчало, но потом меня всё-таки начало рвать. Чтобы не захлебнуться в собственной блевотине, с трудом поднялся на колени, отмечая про себя, как сильно дрожат руки.

Дрожали не только руки, но и всё тело. Стоять вот так на четвереньках было тяжело. Всё время хотелось лечь на землю и забыться, чтобы хоть на мгновение боль отступила.

Мороз забирался внутрь заиндевевшей одежды, пробирая до костей. Сколько же я здесь с разбитой башкой провалялся, если так замёрзнуть умудрился?

— Ваше сиятельство! — голос отдалился, похоже, что сиятельство начали искать где-то в другой стороне.

Ну и хрен с ним, с сиятельством, мне бы вспомнить, кто я такой.

Мысль про то, что я не помню не только, где нахожусь, но и кто я такой, пришла внезапно между содроганиями тело спазмами. И вот это плохо. Это очень плохо. Настолько, что...

Додумать я не успел, потому что меня согнуло в очередном приступе, скрутившем внутренности. Казалось, что кто-то схватил огромный крюк, вонзил в живот и теперь методично наматывает на него кишки. Но спазм прошёл и, кажется, даже дышать стало легче. На этот раз из меня практически ничего не вышло. Только какая-то тягучая желчь, обжигающая горло до боли. Из глаз сами

собой текли слёзы, и от этого становилось ещё холодней, хотя лицо горело огнём, а по виску и щеке вперемишку со слезами катились капли пота.

— Ваше сиятельство! — на этот раз голос приблизился. Не нашёл ещё своё сиятельство, видать, какими-то кругами ходит.

Спазмы прекратились, а головная боль уменьшилась ровно настолько, что позволила мне поднять голову и оглядеться по сторонам. Невдалеке лежала туша мёртвого животного. Пятнистая шкура, лобастая голова и забавные кисточки на ушах совершенно не забавного зверя.

— Рысь, какие-то суки рысь убили, — прошептал я, неосознанно стискивая кулаки. — Твари, удавил бы.

Проблема идентификации как самого себя, так и окружающего пространства отошли на второй план, потому что со стороны мёртвого животного послышались писк и шевеление.

Встать на ноги я пока не мог, поэтому, как стоял на четвереньках, так и пополз в направлении тела рыси, обдирая окоченевшие руки в кровь, об успевший образоваться наст. Весна всё-таки, вот и наст. Странно только, что про весну помню, а про всё остальное — нет.

Это был котёнок. Маленький, испуганный комочек, который искал у матери тепло и еду, но не находил ни того, ни другого.

— Иди сюда, я тебя хотя бы согрею, — сев прямо на снег, я вытащил котёнка из-под уже почти остывшего тела матери и сунул за пазуху, мимоходом удивившись, что на мне такая неудобная куртка. Вроде и тёплая, но...

И тут до меня дошло.

— Какой котёнок у рыси в марте? — оглядевшись по сторонам, я попытался встать на ноги, придерживая пищащий комочек, который завозился у меня на груди, отогреваясь. — И почему я уверен, что сейчас именно март? Может, потому что снег ещё и не думает таять, или же...

Черт, как же болит голова, — прижал свободную руку к пульсирующему и простреливающему нестерпимой болью затылку и закрыл глаза. Немного так постоял, покачиваясь, и побрёл по тропе, возле которой, как оказалось, валялся, в ту сторону, откуда недавно раздавался голос, зовущий сиятельство.

— Матерь наша покровительница, ваше сиятельство, Евгений Фёдорович, — ко мне подскочил мужик в тулупе и меховом треухе и принялся бегать вокруг, как курица вокруг потерявшегося цыплёнка, только крыльями, тьфу ты, руками не махал. — Нашёлся, радость-то какая великая.

— Мужик, ты кто? — просипел я, словно месяца два бухал без перерыва на обед.

— Ваше сиятельство, да как же это вы Тихона не узнали? Я ж с пелёнок за вами закреплён, — мужик растерялся, хлопая глазами, зато хоть бегать вокруг перестал. — Да как же это?

И тут он увидел, что я руки от головы не отнимаю, и почти насильно отодвинул ладонь с раны.

— Осторожно, больно, — я хотел отстраниться, но тело внезапно наоборот, потянулось к ещё крепким и совсем не старческим рукам. Словно часто я так проделывал, точно зная, что ничего худого от обладателя этих рук мне ждать не стоит.

— Да как же так вышло-то? — принялся причитать Тихон. — Что за тати на графа свои лапы поганые подняли?

— Я не помню. — Рысёнок за пазухой запищал, и я крепче прижал его к себе. — Ничего не помню. Ни тебя не помню, ни куда идти надо, ни кто я. Кто я, Тихон?

— Ох, беда-то какая, — Тихон принялся меня ощупывать на предмет других повреждений. — Пошли, Евгений Фёдорович, пошли. До дома доберёмся, дед ваш лучшего лекаря пригласит, а не пригласится, на аркане притащит, ежели понадобится. — Он обхватил меня за

талию, помогая идти. — А ведь говорил я вам, предупреждал, не надо сюда ходить. Прорыв здесь был третьего дня. Но сами же упорство проявили невиданное, будто бы тащил вас кто, да ещё тайком. Я же насилу вас нашёл, уже дальше ехать хотел... Ох ты ж, мать честная. — Тихон остановился, и я увидел, что мы стоим напротив уже окоченевшего тела погибшей рыси. — Да кто же этот лиходеёй, поднявший руку не только на графа Рысева, но и на нашу благодетельницу, да ещё на территории графских угодий?

И тут меня повело, снова замутило. Согнувшись пополам, я начал блевать, хотя было уже нечем. Даже желчи не было. По щекам снова потекли слёзы, которые я, как ни старался, не мог сдержать.

— Ох, ты ж, да что же это такое-то? — снова запричитал Тихон, деликатно придерживая мои волосы, выбившиеся из довольно длинного хвоста, подхваченного лентой.

От неожиданности я даже блевать перестал. Выпрямившись, я погладил заволновавшегося котёнка, чем привлёк внимание слуги, а никем иным Тихон просто не мог быть. А неожиданностью стало для меня само наличие этого чертова хвоста. Не должно его быть, должны быть коротко остриженные волосы! А, собственно, почему они не могут быть длинными? Да хрен его знает, не помню, но не должны и точка.

Тихон тем временем отворотил мою неудобную куртку и заглянул внутрь.

— Не понимаю, откуда котёнок, — пробормотал я, наблюдая за его действиями. — В марте у рысей только гон начинается, а тут котёнок, да никак не меньше месяца ему.

— Дык знак это, — в голосе Тихона такое благоговение звучало, что мне стало немного не по себе. — Приняла тебя рысь-защитница рода Рысовых. Да ещё и дитя своё в помощь дала.

Я посмотрел на него с изрядной долей скепсиса. Как-то на подарок не слишком похоже. А если бы я кроху не заметил? Так бы и остался щедрый дар какой-то непонятной рыси ныть под животом мёртвой матери, пока не околел, так что ли?

— Тихон, мне нехорошо. Мне очень сильно нехорошо, — пробормотал я, уже даже не обращая внимание на волосы, закрывшие одну половину лица. Вторую половину шевелюры всё ещё удерживала лента.

— Ваше сиятельство, Евгений Фёдорович, а шапка-то ваша где? — Тихон всплеснул руками. Я же пожал плечами. Откуда я знаю. Я даже не помню, была она на мне или нет. — Пойдём помаленьку, тут телега у меня недалеко. Нам бы до неё добраться, а там с ветерком домчимся до родного дома, ну а ежели что, в охотничьем домике схоронимся.

— А что может случиться? — Тихон пытался надеть на меня треух, но я отмахивался. В тёплой шапке становилось только хуже. Холодный же воздух немного остужал разгорячённую голову.

— Дык прорывы же. В этом году что-то рановато. Зато частенько. А у нас из оружия только мой нож. Не отобьёмся, ежели что.

— Я не знаю, что такое прорывы, — прошептал я. — Не помню.

— Ничего, лекарь вас попользует, и сразу вспомните, — пригрозил мне Тихон, и тут мы вышли к телеге, запряжённой каурой кобылкой.

Тихон помог мне устроиться на сене, а я всё это время размышлял, что же в сказанной им фразе про лекаря показалось мне не слишком приличным.

— Н-но, родная, пошла, — раздался голос над головой, телега дёрнулась и покатилась. Глаза сами собой закрылись. Спать было нельзя, это я откуда-то знал, но и поделать с собой ничего не мог. Потому что, когда на меня накатывала дремота, по крайней мере, ничего не болело.

Я уже начал проваливаться в самый настоящий сон, как громко заржала лошадь, а Тихон заорал: — Не успели! Давай, родная! До охотничьего домика два хлопка вожжами! Защита в нём хорошая, поди, отсидимся, а там и его сиятельство граф помощь пришлёт. Не подведи только!

Сон мигом слетел. Похоже, мне не нужно будет рассказывать ничего про прорывы, я их скоро сам увижу и начну ощущать в полной красе.

Глава 2

Мы успели. Так, во всяком случае, мне показалось, когда телега на полном скаку въехала в распахнутые ворота и остановилась посреди двора, аккуратно перед двухэтажным наполовину каменным, наполовину деревянным домом. Первый этаж у дома был каменный, не кирпичный, а именно каменный, а вот второй вполне себе брусовой.

Большой двор, ворота массивные с впечатляющим засовом и калиткой для пешех. Надворные постройки... Ничего так охотничий домик. Очень скромно, прямо для нищеводов... Черт возьми, куда мои мысли меня заносят, я же сам не могу себе ответ дать, откуда только что берётся.

— Кажись, успели, — заорал Тихон, выскакивая из телеги и ловко закрывая ворота. — Вам, ваше сиятельство, не показалось, что тварей изнаночных отвлёт кто-то?

— Я и тварей-то не разглядел, — как ни странно, но голова болела меньше. Я даже выбрался из сена самостоятельно и начал помогать Тихону прилаживать засов.

Когда мы неслись по белой ослепляющей целине, то телега поднимала такую снежную пыль за собой, что я конец телеги с трудом мог разглядеть, не то что

каких-то тварей. Тихон сидел, правя лошадьё, и вполне мог что-то увидеть, я же ни черта не видел, только завихрения снежные. Какие-то тени вроде мелькали, да ещё вой был слышен, хороший такой, до костей пробирающий. Но я так и не понял, кто там воет, на волков вроде бы не похоже.

— Ну вот и всё, — Тихон вытер пот со лба чуть подрагивающей рукой. — Сейчас защита активируется, и в дом пойдём, незачем на морозе, да ещё без шапки торчать. Ну а как простуду вдобавок к страданию головой подхватите? Мне его сиятельство спасибо за это точно не скажет.

По воротам пробежала дорожка из разноцветных искр и над всей территорией этой скромной сторожки раскинулась переливающаяся на свету прозрачная плёнка. Словно кто-то мыльный пузырь надул. Одновременно такие же искры пробежали по небольшому медальону, висящему у меня на груди. Медальон было видно из-под моей расстёгнутой куртки, и я обратил внимание, что похожее свечение образовалось, когда мы въезжали в ворота. Я дотронулся до гладкой поверхности медальона. Интересно, почему его с меня не сняли те, кто по голове огрел до потери памяти?

— Почему его с меня не сняли? — повторил я вопрос, но уже вслух.

— Дык кто в своём уме за родовую цапку лапищами своими загребущими хвататься будет? — Тихон даже удивился слегка. А потом вспомнил, что его барин головой скорбный, тоже слегка, удивляться перестал и принялся объяснять: — Медальон родовой. Роду Рысовых принадлежит. Чарами заперт от чужих рук. Это же, кроме всего прочего, ещё и ключ почти ко всему, что Рысовым принадлежит. Ежели бы не он, не смогли бы мы, ваше сиятельство, даже в раскрытые ворота въехать. А защита на доме хорошая, даже не сомневайтесь, макры недавно поменяны, так что можно с удобством или помо-

щи дожждаться, или время выждать, когда твари изнанки сами издохнут. Не живут они долго в нашем мире, только пакостят. Принесут смерть и горе, и дохнут. Но и польза от них великая, не без этого. Макры опять же, да и тушу можно разделать и выгодно продать.

— Да уж, — я прикоснулся к ране на голове.

По-хорошему, надо было помыться, но, если я смою корку, где гарантия того, что кровь снова не хлестанёт? Стянув ленту с головы, я кое-как собрал длинные волосы обратно в хвост и перехватил этой же лентой. Мешают просто спасу нет, как только возможность появится, отрежу этот хвост к чертовой матери.

В сене на телеге зашевелился котёнок и жалобно запищал. Я оставил его там, чтобы не придавить ненароком, когда здоровенный брус засова таскал. Ну, как таскал, что-то таскать у меня сил бы сейчас не хватило, но честно пытался помочь.

Я шагнул к телеге, чтобы вытащить своего найдёныша и пойти уже наконец в дом, потому что почувствовал, как начинаю замерзать.

— Откройте-е-е! — крик уносил ветер, и он тонул в усиливавшемся рёве, доносящемся из-за ворот. Глухой стук вторил голосам. — Ради всех богов, впустите нас.

— Ох, ты же, рысь-наша-защитница, — выдохнул Прохор и подбежал к смотровому окошку. — Надо открыть, а то ить порвут их, ведь порвут твари окаянные. Сейчас, только ружьё принесу. Я быстро, потерпите малость.

Он побежал к дому, да так быстро, что шапку пришлось придерживать на голове, чтобы не сдуло. Рёв приближался, и голос за воротами умолял поторопиться. Я уже шагнул было к засову и даже попытался поднять этот тяжеленный брус, когда появился Тихон, протягивающий мне двуствольную горизонталку. Ружьё было прикладистое, но видно, что не новое. Прежде, чем отдать его мне, Тихон как-то странно глянул, вздохнул и тихо проговорил: